

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСИДЕАКИ

И

ДУТ слухи, будто в ГИТИСе собрался удачный курс, где вместе учатся актеры и режиссеры, и будто стоит посмотреть их спектакль «Владимир III Степанов». Доверять ли слухам? С одной стороны, почему бы и не обратиться хорошему курсу, тем более что педагоги хорошие; а с другой стороны, откуда бы ему собраться.

Людей, рвущихся в театральные институты, в последние годы все меньше. Причину можно видеть в общем спаде погони за «корочками». Можно порассуждать и на несколько более философском уровне.

Еще сравнительно недавно актерство сулило молодым людям то, чего не сулило общество. Общество держалось на культе неизменности. В похвалу говорилось: имярек всю жизнь проработал на одном и том же предприятии. Паспорт, запечатлевший частую смену прописки (не дай Бог, еще и смену брачных союзов), вредил репутации. Направление жизни избиралось сымчала: начавший в ПТУ вряд ли переключался с тем, кто начинал в лыжников или математической школе. В актеры хотелось пойти хотя бы из отращивания к той единственной роли, которую предлагалось исполнить в жизни. Хотя на сцене — менять обличье, варьировать судьбу, примерять себя к разным обстоятельствам, проверять свою способность быть иным — не таким, каким ты сам себя знаешь как облупленного и каким ты сам себе и прочим зарядно опостылеял.

Взглянем, как обстоит сегодня. Сцена все меньше ориентирована на удовольствие вхождение в чужую жизнь. На такое удовольствие актеру почти не приходится рассчитывать. Зато перспективы переопределения, переноса себя в самые голювокружительные «предлагаемые обстоятельства» акютотакно рассказываются в самой реальности. Мне кажется, не слишком, большой парадокс — обмануть тех, кто вчера бы пошел показывать себя перед приемной комиссией актерских факультетов, и тех, кто готовится завтра также подавать документы «на отъезд». Боюсь, что процент профпригодных и эмигрантов у нас не выше, чем процент профпригодных для сцены, но это уже не моя печаль.

Теперь вот о слухах насчет третьего курса, где художественный руководитель Петр Фоменко и насчет спектакля, который педагог и режиссер Сергей Женовач поставил здесь из фрагментов текста Гоголя, представляющих собою, как здесь законно предполагал, черновик его начатой до «Ревизора» и незаконченной комедии «Владимир III Степанов».

Слухи верные. У этой работы совсем особое и в то же время естественное место в том, что принято называть современным театральным процессом.

Если бы спектакль был отмечен рецензией, тогда бы было все понятно: гению природно присуща независимость от времени и места, где ему довелось сказаться. Но вот как обретается спокойное веселье в работе непритязательной, откуда берется ее изящность и соразмерность, изобретательность и естественность — понять все это куда труднее и, пожалуй, важнее.

Все то, что составляет суть Гоголя и в иных его созданных выдуманных выхрем, здесь почувствовано, но сохраняет художественную разрешимость: величия не превращается еще в абсурд, чувство неясности к русской реальности не превращается в экстаз и мессияство. Юмор еще властен над разбегавшейся материей, поэзия еще способна уныбнуть, даже рассмеяться.

Конечно, можно понять, как важны для Сергея Женовача уроки его «Паночки», которую он талантливо поставил в студии «Человек». Но при этом ничего похожего на повтор. Призраки, ослепленно выходящие из-под столов в комедии, покойница-тетушка, настаивающая на своей подлинности — «Обмолвка» вместо крестного имени «Евдокия», и девица, утормыненная от страсти и госпожину Собачкину, — прежде всего очаровательный материал для артистов, и прозаически все, что хочется — артисты получают удовольствие, играют.

Получают удовольствие. Достают удовольствие.

Слухи продолжают распространяться. Слухи, будто курс дружный. Слухи, будто Петр Фоменко и Сергей Женовач объединены общим пониманием общих задач. Будто Фоменко радуется начинающейся славе ученика, и будто Женовач понимает, чем обязан своему мастеру, и будто Андрей Александрович Гончаров, под чьей рукой

Смысл продолжения

все это делается, готов им помочь, чем только может (а чего он только не может!). Те, кто играет «Владимира III Степанова», слишком начитаны в Гоголе, чтобы не угадать маятниковости таких предположений. Никого не зову и сама не иду в закулисье, чтобы проверить, насколько слухи реальны. Хочу сказать только вот что: если от слаженного, тонкого и легкого спенического создания веет чем-то, что заставляет предполагать особую атмосферу в работе над ним, некую счастливую дружность, значит, минуты соединенности вправду были у его создателей.

Надеяться, что мы утвердимся — затвердеем — в таком состоянии согласия и творчества, — наивно. Но надо сберечь личную рабочую память или хотя бы со стороны убедиться: такие минуты бываю. Именно они дают результаты. Именно через них продолжается жизнь театра (если не вообще — жизнь). Они обнаделяют. Дают силу. Обнаруживают смысл.

Тут бы и начать описание «Владимира III Степанова», но у нас колонна впечатлений, а не рецензия. Надеюсь, те молодые критяки, от которых (выдам их) и пошла слухи про «фоменковцев», уже напугали своих рабов.

Инна СОЛОВЬЕВА.